

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЧПУ»)
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ
ЯЗЫКУ

РЕЧЕВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТЭФФИ

Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.03.05 Педагогическое образование
Профиль: Русский язык. Литература

Выполнила:
Студентка группы 501
Гузенко Светлана Михайловна

Научный руководитель:
к.п.н.
доцент
Омельченко Е.В.

Работа рекомендована к защите
«__» _____ 2016 г.
Зав. кафедрой русского языка и МОРЯ
д.ф.н., профессор Глухих Н.В. _____

Челябинск
2016

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Речевое воздействие как лингвистический феномен	7
1.1 Понятие речевого воздействия и особенности его проявления.....	7
1.2. Средства и приемы речевого воздействия.....	16
1.3. Система принципов речевого воздействия в тексте.....	37
Выводы по Главе 1	42
Глава 2. Средства и приемы речевого воздействия в текстах произведений Надежды Тэффи	43
2.1. Художественные и языковые особенности произведений Надежды Тэффи в биографическом аспекте.....	43
2.2. Анализ речевоздействующих средств и приемов в стихотворении «Когда я была ребенком...».....	46
2.3. Анализ речевоздействующих средств и приемов в стихотворении «Есть у сирени темное счастье...».....	51
2.4. Анализ речевоздействующих средств и приемов в стихотворении «Гаснет моя лампада...».....	53
Выводы по Главе 2	56
Заключение	60
Список использованной литературы	62

Введение

Мысль о существовании языковых механизмов воздействия на человека имеет довольно долгую историю. Молитвы, заклинания, заговоры - эффективность таких древних форм языкового воздействия до конца не объяснена и часто отрицается наукой. Неопровержимость влияния речевого воздействия на поведение человека закреплена в народной мудрости в виде пословиц и поговорок: “доброе слово лечит, а худое калечит”; а также в виде афоризмов и крылатых выражений: “злые языки страшнее пистолета” (А. Грибоедов); “слово - полководец человеческой силы” (В. Маяковский).

В настоящее время в современном языкознании активно развивается раздел науки об эффективной коммуникации. Этот раздел организован как интегральная наука, объединяющая, синтезирующая усилия представителей целого комплекса смежных дисциплин - традиционной системной лингвистики, коммуникативной лингвистики, стилистики и культуры речи, психологии и др. Этот раздел языкознания называется теорией речевого воздействия.

Таким образом, речевое воздействие - новый раздел языкознания в широком смысле – воздействие на индивидуальное или коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами. Профессор И.А. Стернин приводит пример того, что контакты будут успешными в 7 случаях из 10, если мы владеем навыками эффективного общения. Речевое воздействие – это неотъемлемая часть общения. Все мы каждый день много раз оказываемся в ситуации, когда вынуждены аргументировать свою точку зрения, что-либо доказывать собеседнику, убеждать его в своей правоте. И оттого, насколько хорошо мы владеем приемами речевого воздействия и представляем сущность стратегий воздействия, зависит и конечный результат общения. Это воздействие на человека при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели.

Становление науки о речевом воздействии - яркая примета современного развития гуманитарного научного знания, ориентированного на практические потребности общества. Эта наука о выборе подходящего, адекватного способа речевого воздействия на личность в конкретной коммуникативной ситуации, об умении правильно сочетать различные способы речевого воздействия в зависимости от собеседника и ситуации общения для достижения наибольшего эффекта. Изучение приемов эффективного речевого воздействия - важнейшая задача языкознания. Современная наука о речевом воздействии интегральна, она использует данные и методы разных наук. Ее базовая принадлежность - коммуникативная лингвистика. В наши дни широкое распространение религиозных, политических течений, партий, применяющих во взаимодействии с людьми различные манипулятивные средства, начиная от гипноза и заканчивая общеизвестными PR-технологиями, сделало изучение языковых механизмов воздействия на человека одним из наиболее важных направлений современных исследований и определило актуальность данной работы. В современном обществе развитие этого научного направления остро необходимо для совершенствования навыков межличностного и делового общения, большего углубления филологического анализа .

Целью исследования является анализ речевоздействующих языковых средств и приемов в поэзии Надежды Тэффи

Задачами исследования является:

1. Анализ литературы и интернет-источников по проблеме речевоздействующих средств и приемов.
2. Составление системы речевоздействующих средств и приемов
3. Анализ речевоздействующего потенциала фонетического, морфемного, лексическо-семантического, морфологического и синтаксического уровня в произведениях указанного автора.

Объектом исследования являются речевоздействующие средства и приемы в произведениях Надежды Тэффи

Предметом исследования является языковое выражение речевоздействующих средств в произведениях Надежды Тэффи в ходе уровневого филологического анализа текста

Актуальность темы дипломной работы обусловлена необходимостью углубления исследования проблем речевого воздействия в художественном дискурсе, а также малой исследовательностью поэзии Тэффи именно с точки зрения речевоздействующего потенциала.

К основным методам нашего исследования относятся общенаучные методы наблюдения, анализа и синтеза полученного материала, с дальнейшим применением метода классификации и обобщения относительно приемов и средств видов речевого воздействия в поэзии Тэффи, а также метод сплошной выборки, классифицирования и дедукции.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут послужить основой для дальнейших исследований в изучении вопроса о средствах и приемах речевого воздействия в различных типах дискурса в целом и в различных областях коммуникации в частности.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования материала в методике обучения русскому языку, литературе, а также для разработки спецкурсов, посвященных проблемам исследования. Материалы и результаты исследования могут быть применены в таких отраслях гуманитарного знания, как филологический анализ текста, языкознание, психолингвистика. Работа может послужить основой для спецкурса по речевому воздействию в литературе.

Логика исследования обусловила **структуру работы**, состоящую из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы. Первая глава посвящена теоретическому обоснованию речевого воздействия как отрасли языкознания. Во второй, практической главе проведен анализ

речевоздействующего потенциала произведений Надежды Тэффи. В заключении подводятся итоги проведённого исследования. Список использованной литературы включает 52 источника.

Глава 1. Речевое воздействие как лингвистический феномен

1.1. Понятие речевого воздействия и особенности его проявления

В России первые значительные работы в области эффективного речевого общения появились в начале XVII века. Изначально это были переводы трудов, написанных в Европе, что позволяет нам говорить о единых истоках европейской и русской традиции искусства воздействия с помощью речи. Первым авторитетным источником в данной области служит перевод учебника немецкого гуманиста, принадлежавшего к сподвижникам М. Лютера, Филиппа Меланхтона (1497 – 1560 гг.), предположительно сделанный митрополитом Макарием в начале XVII века. В данной книге дается представление о риторике, ее частях, видах и украшении речи. Значительный вклад в развитие теории и методики воздейственной речи в России сделал М.В. Ломоносов (1711 – 1765 гг.), создав в 1748 г. "Краткое руководство к красноречию". Риторика М.В. Ломоносова состоит из трех частей: "Об изобретении", "Об украшении", "О расположении". М.В. Ломоносов определяет риторику как науку о письменной и устной речи на государственные, общественные и религиозно-философские темы и выделяет собственно риторику, то есть учение о красноречии вообще; ораторию, то есть наставление к сочинению речей в прозе; и поэзию – наставление к сочинению поэтических произведений.

В XIX веке расцвет искусства воздействия с помощью речи связан с судебной реформой 1860-х годов, где возможность прений противоборствующих сторон в суде привела к развитию судебного красноречия. Наряду с этим, в университетах России во второй половине XIX века развивается академическое красноречие. В написанной русским поэтом и переводчиком А.Ф. Мерзляковым "Краткой риторике, или Правилах, относящихся ко всем родам сочинений прозаических" называются следующие цели оратора: научение, убеждение и искусство тронуть слушателя. Эти цели в определенной степени соотносятся с современной классификацией видов речевого воздействия в зависимости от их

прагматической интенции, что подтверждает связь теории речевого воздействия и риторического искусства.

Наука о речевом воздействии трехчастна. Она делится на:

1. историю науки,
2. теорию науки,
3. практическую часть, связанную с обучением речевому воздействию.

Базовыми дисциплинами для формирования новой научной отрасли о речевом воздействии являются психолингвистика и риторика. Риторика была необходима в античных демократиях как средство общения равных с равными. Древняя риторика была основана преимущественно на логике, правилах логического рассуждения и убеждения, а также содержала рекомендации по технике ораторской речи. В средние века логическая риторика стала считаться схоластической наукой и практически исчезла. Возродилась она в двадцатом веке уже на новой, психологической основе - современному человеку уже важна не только и не столько логика, сколько психологические, эмоциональные приемы убеждения. Первым уловил, практически развил эту тенденцию и поставил ее на методическую основу американец Д. Карнеги в начале XX века. Дейл Карнеги впервые систематически описал некоторые важнейшие правила и приемы эффективного общения и стал обучать этим приемам в публичной речи и деловом общении. Современная наука о речевом воздействии фактически возникла на основе его идей, хотя затем ее стали развивать представители целого множества наук. Великий практик и стихийный теоретик, Дейл Карнеги открыл свою первую школу, где он обучал общению, в 1912 г.

В начале XX века активизация политической жизни повела за собой развитие политической ораторской речи. Теоретический интерес к искусству языкового влияния достиг вершины в 20-е годы XX века. В 1918 г. в Петрограде был создан «Институт живого слова», у истоков которого стояли такие известные ученые и общественные деятели, как В.Э. Мейерхольд, А.В. Луначарский, Л.В. Щерба, Н.А. Энгельгардт, Б.М. Эйхенбаум, Л.П.

Якубинский. На базе данного института была начата разработка теории красноречия, теории спора и теории словесности, осуществлявшаяся в трех аспектах: научном, учебном и просветительском. Однако к началу 30-х годов институт прекратил свое существование, что связано с укреплением советского режима, в рамках которого риторика и смежные с ней отрасли не изучались ни как учебный предмет, ни как научная дисциплина. Само слово "риторика" в текстах официальной пропаганды стало синонимом демагогии, пустой и ложной речи, где содержание резко противопоставлялось форме. Забота о форме текстового произведения нередко объявлялась излишней, уводящей от сути дела, а в красивой и продуманно выстроенной речи подозревалось сокрытие враждебного содержания в случае расхождения аргументации с советской идеологией. Однако, несмотря на негативное отношение к риторике как термину, влияние с помощью речи обрело новую значимость в качестве инструмента пропаганды и агитации.

В послевоенное время одной из наиболее ярких личностей, чьи работы связаны с теорией влияния с помощью речи, можно считать М.М. Бахтина (1895 – 1975 гг.), для трудов которого характерна яркая социологическая направленность. В своих исследованиях он разработал актуальную и в настоящее время теорию речевых жанров, позволившую связать речевую и социальную реальность, а также уделял большое внимание диалогичности как универсальной характеристике любой коммуникации (подробнее о диалогичности изучаемых текстов см. п. 1.2.) Согласно подходу М.М. Бахтина, диалогические отношения есть отношения смысловые. Ученый также отмечает разницу между так называемым «реальным диалогом», в котором происходит обмен репликами небольшого объема, в течение краткого отрезка времени, и потенциальными диалогическими отношениями, присущими любому высказыванию, обладающему смысловой законченностью [Бахтин 1979]. Именно данный вид диалогичности ярко проявляется в исследуемом нами художественном дискурсе. Следует отметить объективные причины развития теории речевого

воздействия, появившиеся в последние десятилетия. Дальнейшее развитие речевого воздействия связано во второй половине XX века с интенсивным развитием коммуникативной лингвистики, формированием антропоцентрической парадигмы в языкознании, интенсивным развитием психолингвистики и т.п.

Демократизация общественной жизни в конце 1980-х – начале 1990-х годов значительно изменила условия публичного общения. Потребности формировавшегося в то время нового общества укрепили интерес к проблемам эффективности речевого воздействия. Как указывает профессор И.А. Стернин, среди причин, которые мотивировали внимание к проблеме речевого воздействия в XX веке, можно выделить, во-первых, социально-политические – развитие свободы, демократии, появление идеи свободы личности. К экономическим причинам, способствовавшим развитию теории и практики речевого воздействия, относятся конкуренция, кризисы перепроизводства, которые породили необходимость в науке о рекламе, "навязывании" товара, привлечении покупателей [Стернин, электронный ресурс]. Кроме того, XX век изменил отношение человека к трудовой деятельности. Люди начали больше ценить интересную работу, что ставит перед менеджерами и руководителями задачу умело организовать мотивацию подчиненных к труду, стимулировать их и убеждать. Развитие культуры, литературы, искусства, а также возникновение научной психологии привели к изменению концепции человека в обществе. Человек стал рассматриваться как личность, как индивидуальность, требующая дифференцированного подхода – эти факторы могут быть отнесены к психологическим предпосылкам активного исследования феномена речевого воздействия [Стернин, электронный ресурс]. Ученый также отмечает, что «есть и чисто коммуникативные причины возникновения развития науки о речевом воздействии в XX веке, то есть причины, связанные с развитием самого человеческого общения, поскольку для нашего времени характерно резкое расширение сфер общения» [Стернин, электронный ресурс]. В XXI веке

данные тенденции не теряют своей актуальности, поэтому проблема изучения речевого воздействия является чрезвычайно значимой для современной лингвистики. С современной точки зрения речевое воздействие представляет собой сложный психолингвистический процесс, который имеет значительный исследовательский интерес в теоретическом и практическом аспектах. Изучение данного феномена играет важную роль для большого числа разнообразных видов человеческой деятельности, в связи с чем на современном этапе теория речевого воздействия формируется как особое междисциплинарное направление научного поиска. Данная область базируется на теоретических и методологических основах, накопленных лингвистикой, представленной такими научными отраслями, как традиционная и когнитивная лингвистика, коммуникативная стилистика и прикладная компьютерная лингвистика, а также прагмалингвистикой, психологией и психолингвистикой, герменевтикой, теорией массовых коммуникаций, социологией, культурологией и рядом других наук. Все вышеперечисленные направления оперируют понятием воздействия, однако подход к изучению и трактовке данного термина в разных науках неодинаков, что способствует многостороннему анализу явления. Прагматика и прагмалингвистика концентрируют свое внимание на адресанте и изучают механизмы и методы достижения коммуникативной цели адресанта при речевой коммуникации. Когнитивная лингвистика, наоборот, фокусирует свои исследования на позиции адресата сообщения, анализируя речевое воздействие как сложную систему обмена информацией, а также рассматривает широкий круг проблем, связанных с речевым воздействием – декодирование, хранение и переработку информации адресатом, включая изменение ментальных процессов последнего с помощью речи. Герменевтика и стилистика большое внимание уделяют самому тексту как связующему звену между адресантом и адресатом. Специфика теории речевого воздействия как особого научного направления состоит в разработке системной парадигмы изучаемого феномена, которая бы

объединила подходы смежных отраслей знания и интегрировала ракурсы адресанта, адресата и текста в явлении речевого воздействия. В отечественной лингвистике наиболее глубокую разработку теория речевого воздействия получила в работах А.А. Леонтьева [Леонтьев 1969], [Леонтьев 1972], [Леонтьев 1979], [Леонтьев 2003], Е.Ф. Тарасова [Тарасов 1986], Н.А. Безменовой [Тарасов, Безменова 1990], Т.М. Дридзе [Дридзе 1984], Ю.Д. Апресяна [Апресян Ю.Д. 1966], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 2003], А.Н. Баранова [Баранов 1990], [Баранов 1991], О.С. Иссерс [Иссерс 1996], [Иссерс 2009], Е.В. Падучевой [Падучева 1985], П.Б. Паршина [Паршин 2000], И.А. Стернина [Стернин 2001], А.М. Шахнаровича [Шахнарович 1995], Е.В. Шелестюк [Шелестюк 2009], Л.Г. Бабенко [Бабенко 2009], Г.А. Золотовой [Золотова 1998], Н.И. Жинкина [Жинкин 1998], М.Р. Желтухиной [Желтухина 2004], А.А. Котова [Котов 2003] и ряда других исследователей. Ученые обращаются в своих работах к описанию чрезвычайно обширного круга проблем, связанных с речевым воздействием. Сюда входит разработка и описание лингвистической метамоделей речевого воздействия, а также особое внимание уделяется изучению природы и механизмов данного феномена. Большой интерес в настоящее время представляет анализ тех речевых средств и функций языка, которые могут быть использованы адресантом для достижения своей коммуникативной цели при эффективном речевом воздействии. Речевое воздействие получило статус научного понятия в начале 1970-х годов, когда данный вопрос был обозначен в сборнике «Речевое воздействие: Проблемы прикладной психолингвистики», выпущенном группой психолингвистов под руководством А.А. Леонтьева при институте языкознания АН СССР. С момента появления теории речевого воздействия как особого научного направления и до середины 1980-х годов изучение влияния с помощью речи проводилось преимущественно в традициях структурной лингвистики. Предметом исследования служили произведения художественного стиля.

Для первоначального описания речевого воздействия важным понятием является определения речевой деятельности, обозначенной А.А. Леонтьевым как «выражение стоящего за речью мыслительного содержания, с учетом всех объективных и субъективных факторов, определяющих поведение носителей языка, во всей полноте обуславливающих связей и отношений субъекта к действительности» [Леонтьев 1969]. Согласно рассуждениям А.А. Леонтьева, речевое воздействие представляет собой речевое действие, направленное на объект и обладающее иллокутивной силой, где под иллокутивной силой понимается функция высказывания, а также способ достижения коммуникативной цели отправителя сообщения. В качестве объективных факторов можно рассматривать экстралингвистическую реальность и внешние условия коммуникации, а к субъективным, помимо чисто лингвистических факторов, относится взаимодействие картин мира адресанта и реципиента. На данный момент для определения понятия речевого воздействия нами может быть выделено три основополагающих фактора. Во-первых, это принятая большинством исследователей традиция толковать речевое воздействие в узком и широком смыслах. Е.Ф. Тарасов в своем исследовании, посвященном проблемам речевого воздействия, обращается к определению данного понятия и трактует его как «передачу информации в форме комплекса сигналов, несущих сообщение о чем-либо и ориентирующих воспринимающую систему относительно смысла этих сигналов» [Тарасов 1986]. Он также отмечает, что под речевым воздействием понимается «регуляция деятельности одного человека другим при помощи речи» [там же], конечной целью которого служит управление деятельностью собеседника [Тарасов 1990]. Такое понимание термина отождествляет речевое воздействие со всеми видами целенаправленного речевого общения вообще, однако обосновано тем, что «нейтральное» общение, освобожденное от воздействия на партнера по коммуникации, невозможно [Тарасов 1986]. Если же трактовать речевое воздействие в более узком смысле, то оно будет

представлять из себя речевое общение с агитационными целями – в средствах массовой информации или перед аудиторией. На узкое и широкое также разделяется определение речевого воздействия в понимании П.Б. Паршина, который рассматривает данный термин в широком смысле как воздействие на индивидуальное или общественное сознание с помощью разнообразных речевых средств естественного языка [Паршин 2003]. В случае письменной коммуникации к речевоздействующим средствам также относятся характеристики графической организации текстового сообщения. В узком смысле речевое воздействие понимается П.Б. Паршиным как конструирование сообщений, отличающихся повышенным потенциалом воздействия на сознание и поведение реципиента. Данные характеристики текста, по сути, – это средства, которые помогают преодолеть «защитный барьер» адресата сообщения, а эффективность функционирования данных средств — это объект изучения теории речевого воздействия.

П.Б. Паршин [Паршин 2000] также обращается к описанию предпосылок речевого воздействия, выделяя среди них следующие: психологические, когнитивные, логические, социологические, коммуникативно-семиотические и структурно-семиотические. Психологические предпосылки предполагают, что оценка информации, получаемой адресатом, напрямую зависит не только от намерения автора сообщения, но и от психологических характеристик личности реципиента.

Таким образом, данные предпосылки функционируют как в перспективе отправителя сообщения, так и реципиента. Социологические предпосылки связаны с психологическими и подразумевает ориентацию на те элементы картины мира, которые отражают качества реципиента как участника определенной социальной группы. Они также направлены на окружающую действительность, отраженную в сознании участников коммуникации. Когнитивные и коммуникативно-семиотические предпосылки подразумевают намеренную ориентацию адресанта сообщения

на определенную модель мира реципиента сообщения. Наличие данного вида предпосылок подтверждает, что любое речевое общение несет в себе элементы воздействия, а также соотносят текстовое произведение с целевой аудиторией. Логические предпосылки определяют понимание языковых высказываний. Нарушение логики, в том числе и преднамеренное, в большинстве случаев приводит к ошибочным выводам, что может быть как случайным, так и интенциональным фактором воздействия. Структурно-семиотические предпосылки отражают возможные различия в семиотических системах адресанта и реципиента.

Иное разграничение речевого воздействия на широкое и узкое можно найти в теории В.Ф. Петренко [Петренко 1990]. Согласно исследователю, речевое воздействие следует рассматривать во взаимосвязи с перестройкой сознания адресата. В широком смысле, речевое воздействие ведет к перестройке картины мира и реконструкции определенных категорий в сознании реципиента: представления об идеальном, этические мерки, нравственные и религиозные образы, а в узком — направлено только на верификацию коннотативного значения объекта и изменения эмоционального настроения адресата. И.А. Стернин [Стернин, электронный ресурс] рассматривает понятие речевого воздействия в аспекте его целенаправленности, выделяя фатические, предметные и информационные цели речевого воздействия. В случае фатически направленной коммуникации воздействие нацелено на инициирование, восстановление и поддержание контакта. Информационные цели заключаются в получении или передаче информации, причем критерием эффективности здесь служит то, насколько хорошо реципиент понял адресанта. Предметные цели представляют собой либо внелингвистическую цель коммуникации, либо стремление к коммуникативному равновесию, которое понимается как бесконфликтное сохранение баланса отношений с собеседником. По И.А. Стернину, речевое воздействие в узком смысле всегда обусловлено предметными целями, а также включает в себя воздействие на эмоции.

Поскольку в нашей работе исследуются письменные источники, то важно подчеркнуть, что письменный текст с позиций коммуникативного подхода рассматривается в теории речевого воздействия как своего рода диалог читателя с автором, а также как «процесс взаимодействия читателя с самим текстом» [Тарасов 1990]. Изучая речевое воздействие как процесс в аспекте понимания письменного текста, мы подразумеваем совокупность последовательных действий, включающих прочтение и понимание текста. Результатом речевого воздействия будут выступать, те выводы, к которым приходит читатель, располагая текстом как «продуктом проявления целенаправленной речемыслительной деятельности автора» [Тарасов 1990]. Обобщая вышеизложенные подходы к терминологическому наполнению понятия речевого воздействия, можно представить следующее определение. Речевое воздействие как феномен представляет собой взаимосвязь культурного, социального, лингвистического и психологического компонентов, при этом суть данного феномена состоит в преодолении защитного барьера адресата в процессе речевого взаимодействия в устной или письменной форме, осуществляемого с помощью специально отобранных лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических средств. Данное воздействие всегда обусловлено особыми предметными целями адресанта и направлено на ценностные, эмоциональные и логические структуры картины мира реципиента. Цель речевого воздействия – это перестройка определенных элементов мировоззрения адресата, модификация его иерархии ценностей, формирование мотивов к экстралингвистической деятельности, а также изменения поведения и эмоционального фона.

1.2. Средства и приемы речевого воздействия

В.И. Карасик считает, что информативное восприятие текста связано с индивидуальным тезаурусом (системой знаний личности), а речевоздействующее проявляется как эмоциональное переживание,

«эмпатическое слияние с текстом», осознание его личностной значимости, при этом каждое последующее обращение к тексту способствует возрастанию его ценности для личности. Исследователь подтверждает, что информация воспринимается, только если читатель находит для себя в данном тексте речевое воздействие, при этом возможно возникновение нового витка речевого воздействия: к аттрактивности текста добавляется индуцированное речевое воздействие, возникающее в сознании читателя. Другими словами, можно утверждать, что при определенном уровне мотивации и заинтересованности у слушателя информации возникает отклик в виде развития содержания общения. Этот этап связан с творческим участием читателя в осмыслении информации. К примеру, если речь идет об образовательном дискурсе, то читатель из ученика превращается в соавтора или сотворца, раскрывается его креативный потенциал. В.И. Тюпа определил характеристики базовых коммуникативных стратегий. Высший, наиболее развитый и совершенный тип дискурса отличает инспиративность поведения как реальность, которая может «вызвать к жизни» другую реальность. Это значит, что читатель, побуждается к соавторству, «участию в совместном коммуникативном проекте». Этот этап автор назвал этапом «Диалогического согласия»

В процессе коммуникации, как пишет О.К. Тихомиров, всегда возникает цель установления и поддержания контакта (реализуется фатическая функция коммуникации). Сопряженная с этой функцией – информационная – реализуется в случае усиленной, адекватной, эффективной коммуникации. Следовательно, необходимо подготовить слушателя к восприятию сообщений. О.К. Тихомиров называет речевоздействующие сигналы «уступками интересам слушателя». В книге исследователя «Психология мышления» цель речевого воздействия определена в рамках процесса коммуникации и заключается в том, чтобы «подготовить слушателя к восприятию и пониманию речи», служит для

поддержания контакта с партнером в процессе реализации фатической функции речи.

Т.С. Дроняева в труде «Публичность и информативность в современном обществе» определяет речевое воздействие как средство, позволяющее осуществить выход на интересы слушающего: «Нейтрализовать помехи в мозгу приемника информации призваны речевоздействующие сигналы».

Кроме того, проведенное исследование дает возможность вписать анализируемые тексты в существующую в современной лингвистике иерархию институциональных типов дискурса. Как определяет В.И. Карасик, институциональный дискурс – это социальное общение в рамках сложившихся общественных институтов, и основными типами здесь выступают политический, экономический, религиозный, научный, массмедийный и литературно-художественный дискурсы [Карасик 2000: 10]. Благодаря своей тематике, исследуемые тексты могут быть отнесены к литературно-художественному типу дискурса, однако подобная классификация слишком общая и требует уточнения. Речевоздействующая коммуникация ведется «для получения удовольствия в общении» и способствует наращиванию информации. В этом случае, что следует подчеркнуть особо, приоритетными в общении являются не обстоятельства, а текст.

На наш взгляд, информация и речевое воздействие представляют собой единство в процессе коммуникации. В этом отношении мы солидарны с В.М. Соковниным, который говорит об информационно-речевом воздействии в коммуникации.

Речевое воздействие в процессе коммуникации действует на эмоциональную сферу читателя, пробуждает внимание и интерес к сообщению, готовность многократно обращаться к нему; активизирует восприятие информации читателем в силу того, что она становится актуальной для слушателя; способствует развитию и становлению личности

читателя, так как влияет на все личностные структуры. Остановимся на последнем подробнее. По Ю.Н. Караулову, языковая личность складывается из вербально-семантического, лингвокогнитивного и мотивационного уровней. Личностная адресация необходимой слушателю информации развивает мотивацию: чем более слушатель осознает, что информация необходима для него, тем более он заинтересован в ней. Содержательная и познавательная информация, что очевидно, стимулирует процесс восприятия ее личностью. При этом восприятии сообщение происходит в процессе диалога читателя с самим собой, что стимулирует творческий потенциал личности, так как эффективное восприятие знания сопряжено с развитием внутренней речи, создание высказываний, текстопорождающей деятельностью. Это, в свою очередь, изменяет тезаурус личности. В исследования В.Б.Кашкина рассматривается понятие коммуникативной личности, под которой он понимает «совокупность индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессе коммуникации...». Определяющими параметрами для коммуникативной личности являются мотивационный, когнитивный, функциональный. В процессе внедрения речевого воздействия в коммуникацию изменяется мотивация читателя, интенсифицируется процесс познания, развивается творческая активность личности в коммуникации. Обобщая вышесказанное, можно сказать, что речевое воздействие, делающее информацию значимой, актуальной, служит развитием мотива создания творческих высказываний, что, свою очередь, способствует развитию коммуникативной личности.

Таким образом в процессе восприятия произведения можно определить основные функции речевого воздействия как коммуникативного процесса:

1. Эмотивно-мотивационная функция (воздействие на эмоциональное восприятие произведения читателем). Речевое воздействие обеспечивает эмоциональное восприятие информации читателем, создает мотивацию к активному освоению информации.

2. Аппеллятивная (или конативная) функция (направленность на улучшение восприятия информации). Речевое воздействие является средством, позволяющим сделать информацию личностно-значимой для читателя.

3. Информационно-активирующая функция. Речевое воздействие интенсифицирует процесс включения читателя в восприятие текста, активирует его внимание, развивает мотив к получению новой информации и созданию высказываний.

4. Экспрессивно-эмоциональная функция. Речевое воздействие обеспечивает эмоциональность формы подачи информации, реализуясь в специальных средствах и приемах.

Практически значимая задача исследования – выявить средства, помогающие восприятию информации слушателем. Совокупность этих средств представляет собой речевое воздействие.

В случае изучения любого типа и вида речевого воздействия с лингвистической точки зрения существует возможность уровневого анализа данного явления. Описание средств в соответствии с определенным уровнем позволяет подвергнуть рассмотрению именно лингвистическую составляющую этого феномена. Данный подход классифицирует средства речевого воздействия согласно их иерархическому положению в системе языка, хотя следует помнить о том, что языковые единицы тесно взаимосвязаны с друг с другом.

Проанализировав труды таких ученых, как Б.Ф. Поршнев [1979], П.Б. Паршин [Паршин 2000], И.А. Стернин [Стернин 2001], А.Р. Лурия [Лурия 1998] и А.П. Журавлев [Журавлев 1974], можно представить следующий комплекс уровней речевого воздействия: фонетический, лексико-семантический, морфологический, синтаксический. Рассмотрим подробнее содержание данных уровней.

На фонетическом уровне главным фактором влияния на читателя является фонетическая наполненность того или иного текста. Фонетическая наполненность текста образуется посредством ассоциативной составляющей звуков и передающих их букв. Как считает А.П. Журавлев, «носителем фонетического значения является звуко-буквенный психический образ, который формируется под воздействием звуков речи, но осознается и четко закрепляется лишь под влиянием буквы». Тексты, нацеленные на воздействие, всегда будут содержать слова с большой концентрацией одинаковых звуков, направленных на создание того или иного коммуникативно-прагматического эффекта. Характерно, что даже при прочтении текста про себя происходит скрытая вербализация, сопровождающая процесс мышления, и человеческое сознание испытывает влияние фонетического наполнения текста.

На лексико-семантическом уровне главным средством выступают лексические единицы. В силу разнообразия лексической семантики выбор слов оказывается универсальным инструментом, с помощью которого осуществляются самые разные виды воздействия. Несмотря на то, что воздействующим потенциалом в зависимости от контекста и интенций автора может обладать любая лексическая единица, особое значение в аспекте воздействия имеют многочисленные образные лексические средства и стилистические фигуры. К ним относятся идиомы, фразеологические единицы, метафоры, сравнения, ирония, гиперболы, лексические повторы и другие тропы.

Под синтаксическим уровнем понимается связь между грамматическим составом воздействующей речи и установкой автора и читателя. Речевоздействующими приемами являются вневременные факторы, чередование каналов восприятия, дипластия. Дипластия – это свойство сознания; оно проявляется в попытке «осмыслить бессмысленное», человеческое сознание стремится разгадать загадку. Языковые явления, в основе которых лежит амбивалентность, парадоксальность, трансформация

смысла (метафора, оксюморон, катахреза), являются воздействующими средствами.

Безусловно, основополагающими для исследования являются труды И.Ю. Черепановой. К речевым средствам воздействия автор относит перечисления, антонимию, метафоризацию, каламбур, расширение границ слова, тавтологические высказывания, парадоксы. Объемными средствами речевого воздействия являются: ритмизация, выраженная в повторяемости, недоговоренность, прецедентность, смешение стилей, обуславливающее смену каналов восприятия, апеллятивность, диалогичность. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Особым средством речевого воздействия является ритмизация. О ритмизации как первейшем, основанном на нейрофизиологических механизмах восприятия речевоздействующем явлении говорил Ю.В. Кнорозов, (напрямую соединив речевое воздействие и ритмизацию) Р. Потапова отождествляет ритмизацию с повторяемостью и чередованием речевых явлений, она связана со смыслом текстовой информации и проявляется на стадии перехода от интенционального уровня к вербализации. Ритм, по ее мнению, связан и с планом содержания, и с планом выражения. Важными в области ритмизации являются исследования В.В. Налимова. Он, в частности, отмечает, что повторы, паузы, смещение ударений могут характеризовать идиостиль. Ритм является составляющей языка, посредством которой бессознательное (интенционально заложенное) осознается. Ритмизация выражается на уровне языковых единиц – звуков, звукосочетаний; представлена в аллитерации и ассонансе; имеет морфолого-грамматическое выражение, лексико-семантические особенности. Синонимы, антонимы, анафора, эпифора также служат ритмизации. В. Налимов определил функцию ритма как «попытку положить континуальную составляющую на дискретные носители речи»

Это подтверждают исследования В.М. Соковнина. Ритм и повторяемость резонируют в человеческое подсознание. В речевом плане

синонимия, ряды однородных членов связаны с реализацией функции ритмизации, формирующей стойкое желание еще и еще раз обратиться к информации.

Вопрос о ритмически организованных конструкциях в рамках исследуемых явлений требует пояснения. Под ритмом понимается закономерное чередование или повторение каких-либо элементов и основанная на нем соразмеренность; это свойство динамической речи. Именно ритм создает особую энергетику текста, влияющую на слушателя. Ритмическая организация текста рассматривается как воздействующий прием В.Е. Рожновым, В.В. Налимовым, С.В. Болтаевой (в последней работе исследуется уровень фонетики и лексики). Ритмизация не просто привлекает, она влияет на смысловосприятие; при этом, как известно, большая повторяемость приводит к еще большему «затуманиванию» смысла. Об этом образно писал М.М. Бахтин: «В ритме я, как в наркозе, не сознаю себя. Ритмом я могу быть только одержим». К ритмически организованным в рамках высказывания словосочетаниям можно отнести прием звуко сочетаний, аллитерацию, ассонанс, повторения (фонетические лексические), параллельные синтаксические конструкции, анафоры, эпифоры, что позволяет причислить ритмизацию к полноценным речевоздействующим приемам и явлениям. В.М. Соковнин определил такие средства речевого воздействия как метафоризация, цитация, использование парадокса, притчи, комплимента, юмора.

Особо стоит остановиться на таком явлении, как прецедентные тексты, персонажи и другие культурно-ментальные феномены. Они представляют собой стихийно или сознательно отобранные тексты, которые рассматриваются как общеизвестные в конкретной речевой культуре. О значимости прецедентных явлений в коммуникации говорит М.С. Рыжков. Эти средства включаются в речевое воздействие и имеют соответственно прагматический характер. Экспрессивность, образность, наглядность,

эмоциональная выразительность – все это оптимизирует восприятие информации. На языковом уровне есть множество способов сделать информацию особо привлекательной: на фонологическом уровне – особый способ артикуляции, когда звучат согласные, выделение слов – на уровне лексики, повторы, на синтаксическом уровне – инверсия, анафора, эпифора, парцелляция.

А.Е. Войскунский, проводя многочисленные эксперименты, доказал, что некоторые риторические приемы – ссылки на авторитет, риторические восклицания, ввод новых персоналий, разрушение стереотипов сознания слушателя – привлекают внимание к говорящему, вызывают особую реакцию слушателя, которая от пассивной становится активно заинтересованной. Реакция слушателя имеет принципиальное значение, ибо является резонансом на применение речевоздействующих средств. Последние имеют свойство преодолеть нежелание читателя принимать информацию и в определенном смысле «стирают» неподготовленность слушателя к усвоению информации. В конечном счете, речевое воздействие служит установлению коммуникативного контакта и интенсификации восприятия текста читателем.

Термин «прецедентность» и образованные от него производные широко применяются в современной лингвистической литературе. Согласно определению, предложенному в «Словаре русского языка», прецедент (от англ. precedent – предыдущий, предшествующий) представляет собой «случай, имевший место ранее и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода». Впервые в отношении текстов термин «прецедент» («прецедентный текст») был использован Ю. Н. Карауловым, который определял данные феномены как тексты, «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, 3) такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности». По мнению Ю. Н.

Караулова, прецедентные тексты являются «хрестоматийными», так как любой говорящий на данном языке знает их содержание. Знание прецедентных текстов указывает на включенность индивида в сферу действия современной культуры, незнание, в свою очередь, является сигналом положения индивида вне данной исторической эпохи и ее культуры или недостаточной вовлеченности в нее. В дальнейшем произошло уточнение и развитие терминологии. К прецедентным феноменам относят стихотворные и прозаические цитаты из литературных произведений, названия художественных и музыкальных произведений, фразы из кинофильмов и песен, лозунги и слоганы рекламы, анекдоты и библейские выражения, имена литературных героев, исторических личностей, политических деятелей и т. д. Состав прецедентных феноменов может изменяться: одни прецедентные тексты или имена выходят из широкого употребления, забываются и перестают быть прецедентными, другие тексты, наоборот, становятся прецедентными на более или менее длительный срок. Истолкователь идеи М. М. Бахтина и ученица Р. Барта - Юлия Кристева является основоположником теории интертекстуальности, гено - и фено - текста, создателем концепции, согласно которой, любой текст становится интертекстом. Причем интертекстуальность, на ее взгляд, распространяется не только на литературные тексты, но и на все остальные системы знаков

Вышеизложенную идею М. М. Бахтина, Ю. Кристева сводит к тому, что: «любой текст строится как мозаика цитации, любой текст - это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста». Иными словами, литературный текст всегда включен в иные тексты. Каждый автор, создавая литературное произведение, находится в окружении литературных текстов, в которых отражена жизнь общества и опыт предыдущих авторов. Таким образом, в написанном произведении всегда отражены все тексты, находящиеся в сфере чтения данного писателя. Впоследствии, Ролан Барт дал определение интертексту и нтертекстуальности, которое сейчас принято считать каноническим:

«Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» . Как текст рассматривается не только литература, но и общество, история, культура и сам человек. Это приводит к восприятию человеческой культуры как «интертекста», который, в свою очередь, служит претекстом любого вновь появляющегося текста.

При понимании литературного слова читатель соотносит его своим тезаурусом, то есть с накопленными им знаниями и лексическим словарем. В связи с этим, интертекстуальность предполагает читателя активного, который должен не только распознать наличие интертекстуальных отсылок в произведении, но и идентифицировав их, дать им истолкование. Чтобы текст не остался непонятым или понятым поверхностно, читатель должен быть высоко эрудированным и уметь найти необходимую закодированную писателем информацию.

Как уже упоминалось ранее, прецедентные тексты не имеют строгих формальных параметров, иными словами, прецедентный текст может вводиться в художественное произведение как целиком, так и в сжатом виде. Прецедентный текст может быть представлен (1) одним словом, (2) цитатой, (3) целым отрывком и (4) ситуацией. При помощи заглавия, имени персонажа, имени автора или цитаты, автор старается вызвать ассоциацию со всем прецедентным текстом, который использует как источник сходных эмоциональных переживаний и ситуаций, как образец подражания, или антиобразец. Указанные четыре способа ввода прецедентных текстов играют роль символов-ярлыков, намеков, а сами тексты при этом могут выполнять следующие функции: от номинативной, с помощью которой развивается мысль или аргументация героя до повторения и метафоризации основного конфликта прецедентного текста. К прецедентным текстам относятся тексты художественных произведений. К прецедентным текстам зачастую относятся

публицистические тексты, реклама, пословицы, поговорки, тексты песен. Со временем многие тексты теряют статус прецедентных текстов, так как проходят времена, меняются поколения читателей и интересы членов лингвокультурного сообщества. Появляется множество новых прецедентных текстов, основанных на произошедших в обществе изменениях, на новых исторических и культурных событиях. Тексты и ситуации, которые являлись прецедентными, более не являются таковыми, так как утратили свою актуальность. Таким образом, прецедентные тексты вводятся в литературу при помощи высказываний, цитат, имен, названий произведений. Далее мы рассмотрим явление «прецедентного имени», «прецедентного высказывания» и «прецедентной ситуации», так как прецедентный текст актуализируется с их помощью, и рассмотрение феномена прецедентного текста невозможно без анализа других прецедентных феноменов. Прецедентными именами являются имена из широко известных текстов, относящихся, как правило, к числу прецедентных, или же имена, широко известные носителям языка и выступающие как прецедентные. Прецедентное имя выступает именем-символом, указывающим на некоторую эталонную совокупность определенных качеств. Следовательно, прецедентное имя может выполнять экспрессивную, символическую и коннотативную функции. Каждое прецедентное имя обладает совокупностью отличительных или дифференциальных признаков. В. В. Красных отмечает, что эти признаки составляют определенную систему. Прежде всего, таким дифференциальным признаком прецедентного имени является характеристика по внешности описываемого лица, (или же внешнему описанию предмета) а также по внутренним характеристикам. Так, называя кого-то Золушкой, мы имеем в виду внутренние качества человека: трудолюбие, доброту. Также, прецедентное имя может указывать на роль, выполняемую человеком в обществе.

Прецедентное имя может представлять собой конструкцию, состоящую из одного или более элементов. В. В. Красных, отмечает, что именно

сложность структуры прецедентного имени определяет особенности функционирования прецедентных имен в речи. Во-первых, оно может именовать предмет и непосредственно указывать на денотат. В таком случае определяющие признаки данного имени не имеют особого значения и не учитываются. Во-вторых, прецедентное имя может указывать на набор каких-либо признаков, значимых для определенного персонажа или же произведения в целом. Прецедентному имени свойственно прямое и косвенное употребление. То есть, прецедентное имя может быть использовано на уровне его атрибутов. Атрибутами прецедентного имени являются, согласно В. В. Красных, элементы внешности, черты лица, одежда того или иного субъекта. Через набор его дифференциальных признаков происходит актуализация прецедентного имени. Актуализация прецедентного имени может осуществляться и с помощью введения определенной ситуации связанной с этим именем.

Прецедентная ситуация. Д. Б. Гудков определяет прецедентную ситуацию следующим образом: «прецедентная ситуация - некая «эталонная», «идеальная» ситуация с определенными коннотациями, в когнитивную базу входит набор дифференциальных признаков прецедентной ситуации». Остановимся подробнее на интерпретации данного определения. Примером «идеальной» ситуации, которая впоследствии стала прецедентной ситуацией, является предательство Иудой Христа, которое понимается как «эталон» предательства вообще. Любое предательство принято воспринимать, как вариант этого «идеального» предательства. Отличительные признаки указанной прецедентной ситуации становятся универсальными. Такими дифференциальными признаками являются: подлость человека, которому доверяют, донос, награда за предательство. К атрибутам данной прецедентной ситуации можно отнести: поцелуй Иуды, 30 сребреников. Эти атрибуты помогают ярче описать ситуацию и фигурируют как её символы. Имя Иуда становится прецедентным и приобретает статус имени-символа. Атрибуты и признаки прецедентной ситуации имеют исключительное

значение. Как пишет в книге «Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология» лингвист В. В. Красных «прецедентная ситуация может быть актуализирована прецедентными высказываниями, именами, а также и прецедентными феноменами, пояснениями. Тогда, ситуация будет выделяться из общего фона текста и производить на читателя должное впечатление.

Источником прецедентной ситуации может быть как ситуация происшедшая в реальности и относящаяся к историческим происшествиям так и принадлежащая некоему литературному произведению. Источником прецедентной ситуации могут быть мифы и поверья. Среди прецедентных ситуаций можно обнаружить как исключительно национальные прецедентные ситуации, понятные только жителям определенного сообщества с его уникальной историей и культурой, так и универсально-прецедентные ситуации, которые без должного объяснения будут ясны любому среднему представителю всего общества. Источником их являются события, отразившиеся на истории всего мира, или же произведения широко известные и получившие мировое признание. Такие прецедентные ситуации становятся эталонами определенных феноменов. Прецедентные ситуации, при включении их в определенное произведение, практически во всех случаях обрабатываются, переосмысливаются автором. Каждый автор дает свою оценку ситуации и вплетает её в канву своего произведения в измененном виде.

Прецедентное высказывание. Следует отметить, что наряду с каноническими прецедентными высказываниями, то есть цитатами, выделяют также и трансформированные. Среди трансформированных высказываний важную роль играют усеченные высказывания. Смысл этого приема заключается в изменении смысла определенной фразы путем отделения от неё части. Например, при усечении второй части пословицы «не родись красивой, а родись счастливой» её смысл, в определенном контексте значительно изменяется и приобретает негативный характер, то есть при

такой формулировке автор имеет в виду, что красота ведет к несчастью. Иногда авторы изменяют компоненты фразеологических единиц с целью коренного изменения их значения и создания необходимого эффекта. Например, глава книги Ю. Н. Караулова «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» начинается с измененной цитаты «Скажи мне кто твой друг и я скажу тебе кто ты» - «Скажи мне, что ты читаешь...». Этим автор подчеркивает важность чтения, а также демонстрирует, что степень образованности и начитанности человека, а также круг его интересов, влияют на формирование личности. Прецедентные высказывания могут обладать поверхностным и глубинным значением:

1) поверхностное значение, которое равно сумме значений компонентов высказывания. Как правило, значение таких прецедентных высказываний может быть без труда понято.

2) глубинное значение, которое представляет собой семантический результат сочетания компонентов прецедентного высказывания, формирующих его лексико-грамматическую структуру. Это прецедентное высказывание с трудом понимается носителями языка вследствие незнания первоисточника. Автор, зная это, обычно дает его толкование, отсылая читателя к его истории.

Д. Б. Гудков выделяет три основных функции прецедентных феноменов: парольную, экспрессивную и оценочную. Данная классификация является употребительной в силу её кратности и точности. Не менее важно также привести классификацию прецедентных феноменов предложенную Г. Г. Слышкиным. Ученый описывает следующие функции:

Парольная функция проявляется в установлении принадлежности персонажа к определенной социальной, политической или возрастной группе, для каждой из которых свойственны особые прецедентные тексты. Эта функция характерна не для всех прецедентных текстов. Если автор хочет продемонстрировать принадлежность свои персонажей к разным

социальным, возрастным группам, или показать разницу в уровне образованности, он использует прецедентный феномен, который будет нести парольную функцию.

Номинативная функция состоит в назывании объектов действительности и явлений а также формировании впечатления от этих явлений. Чаще всего, как отмечает Г. Г. Слышкин, она актуализируется с помощью прямой цитаты. Эта функция является основной для всех прецедентных феноменов. С её помощью человек может кратко и в тоже время глубоко выражать свои мысли. Часто цитаты из прецедентных текстов используются говорящим для емкого обобщения обширной жизненной ситуации.

Персуазивная функция определяется Г. Г. Слышкиным следующим образом: «Прецедентный текст, как правило, - текст, обладающий определенным культурным авторитетом и вызывающий к себе уважение (иногда поклонение) у носителей языка. Этим обуславливается возможность использования прецедентного текста с целью убеждения коммуникативного партнера в своей точке зрения, т.е. апелляция к текстовому концепту в персуазивной функции.

Подобное использование прецедентного текста характерно для таких речевых жанров, как спор и дискуссия». Включение прецедентных феноменов в литературное произведение осуществляется и с целью побуждения читателя к прочтению, то есть пробуждения в читателе интереса к данному литературному произведению. При помощи прецедентного текста автор также может стремиться подчеркнуть ту или иную информацию, обратить внимание читателей на определенную идею, сюжет, черту характера персонажа, элементы его внешности. С их помощью можно продемонстрировать образованность героя произведения, его моральные ценности.

Именно прецедентность и недоговоренность с точки зрения речевого воздействия диктуют многоплановость, семантическую избыточность,

разные подходы к интерпретации содержания текста, заставляют обратиться к знаниям, жизненному опыту читателя. В этом случае ведущим оказывается не эксплицитно выраженный в высказывании смысл, а имплицитно заложенная информация.

Многие исследователи также обращаются к апеллятивной функции языка, рассматривая ее как частную языковую функцию, в которой проявляются базовые функции языка – коммуникативная и когнитивная. Так, например, Ю. М. Маслов определяет апеллятивную функцию следующим образом: «...служить средством призыва, побуждения к тем или иным действиям». К. Бюлер указывает на наличие тройственной функции языка: экспрессии, апелляции, репрезентации, которые представляют собой различные назначения речевых высказываний: репрезентативная – сообщение, экспрессивная – выражение эмоций, апеллятивная – побуждение к действию. Р. О. Якобсон пишет о том, что (конативная) апеллятивная функция соответствует получателю сообщения, на которого ориентируется говорящий, пытаясь тем или иным образом воздействовать на адресата, вызвать его реакцию. Грамматически это часто выражается повелительным наклонением глаголов, а также звательным падежом. К. Бринкер, в свою очередь, отмечает, что апеллятивная функция выполняется не только императивом глагола, но и формами обращения; она основана на том, что «получатель» доступен отправителю в качестве адресата, и это вызывает необходимость в учете отправителем фоновых знаний своего адресата. В каждом из определений апеллятивной функции указывается на реализацию с ее помощью воздействия адресанта на адресата с целью побуждения его к совершению действия: речевого или посткоммуникативного. Важно отметить, что апеллятивную функцию часто оказывается трудно отделить от фатической (контактоустанавливающей). Фатическая функция сливается с апеллятивной. Фатическая функция, будучи для собеседника призывом к установлению (поддержанию, прерыванию) коммуникации, т. е. призывом к неречевому действию, актуализирует одновременно и апеллятивную

функцию. Стилистико-композиционный аспект текста также обладает определенным речевоздействующим потенциалом. Каждый стиль соотносится с тем или иным кодом, обеспечивающим смысловую приемлемость информации для читателя (т. е. объекта РВ). Так, публицистическому стилю свойственно убеждение, но не столько через обращение к критическому мышлению, сколько через апелляцию к стереотипам, архетипам и типичным ценностям. Научно-популярному стилю свойственно убеждение с помощью логического доказательства. Основные постулаты теории диалога сводятся к следующему:

1. Диалог – это форма существования языка, связанная с его социальной природой и коммуникативной функцией.

2. Диалогическое общение – это сфера проявления речевой деятельности человека.

3. Речевое общение в форме диалога – это конкретное воплощение языка в его специфических средствах, определенная речевая структура.

Выделенные таким образом три аспекта языка (социальный, коммуникативный, диалогический), включают в себя значение двусторонности связей, характерное для общения; условно его обозначают как “взаимо” и “два”, что подчеркивает диалогическую сущность соответствующих явлений. Диалог представляет некий обмен информацией и, следовательно, нетождественность участников коммуникации. Когда речь заходит о диалоге, предполагается, что “истина”, вывод, к которому придут участники коммуникации, заранее неизвестен, к нему можно прийти только через спор, дискуссию. Согласно Бахтину, любое соприкосновение с текстом, с миром культуры есть диалог, т. е. «спрашивание и беседа», а понимание возникает там, где встречаются два сознания, т.е. на границе с другим. Иначе говоря, условием понимания является существование другого сознания. Поэтому любой литературный текст представляет собой встречу с другим, т.е. диалог. И в этом диалоге возникает вполне определенный смысл, происходит снятие неопределенности. Более того, текст, будучи продуктом

общения, вторичен по отношению к диалогу. Диалог – это механизм текстопорождения, прототипическая ситуация общения, вписанная в социокультурный контекст.

Текст, представленный как диалог, отражает прототипическую структуру общения – является ответом на возникший до его появления вопрос. В такой постановке проблема диалогической природы текста требует включения в круг рассматриваемых вопросов смежную проблематику социокультурного контекста, т.е. анализа текста как дискурса, позволяющего увидеть диалогическую основу единства общения, познания и становления языковой личности.

Важно отметить следующие разновидности диалога:

1. Диалог текста с реальностью (текст как репрезентация "возможных миров").

В тексте не столько отражается, сколько символически "преломляется" реальность, что "не уничтожает референцию, но делает ее неоднозначной". Это проявляется в частности в общем свойстве художественного текста – "расщеплении", т.е. неоднородности писателя, читателя, и референции. Происходит создание "моделей-символов" – возможных миров, с помощью которых автор выявляет структуры мира, человеческих отношений, природу добра и зла. Взаимодействие возможных миров дискурса (ментальных репрезентаций персонажей) создает интермодальный план дискурса, вбирающий мир субъективных интенций, оценок, желаний, знаний.

2. Диалог текста с другими текстами (текст в культурном контексте, или интертекст).

Общая диалогическая стратегия авторского дискурса реализуется в каждом конкретном случае создания зоны контакта определенным набором речевых тактик, с помощью которых автор объясняет и уточняет ход повествования, выражает критическое отношение к изображаемому, выявляет его суть и свою оценку, а также привлекает внимание к форме – т.е. к языку.

Структурно диалогический дискурс автора может быть представлен и небольшой конструкцией-вставкой, и предложением, и развернутым высказыванием, занимающим абзац или несколько абзацев, и даже отдельной главой. Явный авторский диалог, или прямое слово автора, как правило, оформляется сверхфразовым единством, а скрытый диалог, или двуголосое слово, – вставкой или предложением.

Общим моментом в организации явного и скрытого диалога является преодоление границ изображаемого мира – выход в интертекстуальное пространство, в котором создаются «общественно значимые смыслы». Диалогический подход, учитывающий взаимодействие лингвистического и социально-культурного аспектов, а также ориентацию текста на Другого, включает, следовательно, три измерения текста: семиотическое (языковые структуры, образы), интеракциональное (Другой – ты, он (и) или потенциальный интерактант) и культурное (мифы, традиции, ментальность). Все эти характеристики дискурса тесно связаны между собой и участвуют в создании семантического пространства текста. Диалогическое освоение этого пространства выявляет неизбежный парадокс, сформулированный в понятии «диалектический диалог». Он заключается в том, что при диалогическом подходе необходимо быть открытым всем «другим» возможным разумным интерпретациям текста.

Высказывание диалогично, так как оно «обращено», т.е. ориентировано и предвосхищает ответ другого говорящего. Высказывание обретает смысл на «чужом» концептуальном горизонте («кругозоре») другого говорящего. Слушатель, воспринимающий высказывание, ассимилирует его в свою концептуальную систему, которая обогащает его новыми элементами. Ввиду того, что предвосхищаемый ответ частично формируется тем изменением, которое вызывается данным высказыванием в кругозоре слушателя, каждое высказывание, каждое слово рождается с «живым ответом в нем». Слово живет в диалогической среде между кругозорами говорящего и слушателя. Высказывание диалогично, так как слово находится в диалогическом

отношении с прошлым контекстом. Между словом и говорящим субъектом существует окружение из других, чужих слов о том же объекте, на ту же тему. Каждое высказывание вступает в те или иные отношения с предшествующими высказываниями – говорящий «опирается на них, полемизирует с ними, просто предполагает их уже известными слушателю» М.Бахтин определяет диалог как "событие". Наиболее полно и всесторонне раскрывает Бахтин диалогическую природу языка, анализируя текст. Прежде всего, он подчеркивает пограничный характер текстового анализа – подобный анализ не может быть только лингвистическим или филологическим, философским или литературоведческим. Анализ текста проводится «на границах этих дисциплин, на их стыках и пересечениях», так как за каждым текстом стоит не только система языка, т.е. «все повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста», но и одновременно что-то индивидуальное, единственное и неповторимое, «и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). Такой подход к тексту делает язык лишь одним из его аспектов. Язык – это «материал и средство». Главное в тексте – его замысел, авторская интенция. Общение личностей в диалоге происходит именно благодаря тексту - некоторому атому общения. М.М. Бахтин в своей “Эстетике словесного творчества” писал, что человека можно изучать только через тексты, созданные или создаваемые им. Текст, по Бахтину, может быть представлен в разных формах:

1. Как живая речь человека;
2. Как речь, запечатлённая на бумаге или любом другом носителе (плоскости);
3. Как любая знаковая система (иконографическая, непосредственно вещная, деятельностьная и т.д.)

Каждый текст опирается на предшествующие и последующие ему тексты, созданные авторами, имеющими своё миропонимание, свою картину

или образ мира, и в этой своей ипостаси текст несет смысл прошлых и последующих культур, он всегда на грани, он всегда диалогичен, так как всегда направлен к другому или к себе как к другому. Каждый из средств и приемов, используемых автором текстов, формируется совокупностью многочисленных лингвистических инструментов, выбор которых позволяет варьировать смысл и тональность речевого произведения. Это предопределяет необходимость уровневого анализа разнообразных средств и приемов речевого воздействия в поэтических произведениях.

1.3 Система принципов речевого воздействия в тексте.

Проанализировав вышеизложенные средства и приемы речевого воздействия, мы предлагаем следующую систематизацию с пояснением функций средств и приемов речевого воздействия в тексте:

	Языковой уровень	Средства и приемы	Функция речевого воздействия
1	Фонетический	Аллитерация, ассонанс	Осуществляет ритмизацию. Замедляет и ускоряет восприятие текста. Добавляет эмоциональности в произведение.
		Повтор, опора на связь звука и смысла.	Влияет на смысловосприятие. Стимулирует желание к повторному обращению к тексту.
2	Лексико-семантический	Использование слов-символов, ключевых слов	Способствует приращению смысла, расширению лексической значимости слова

		Синонимия, антонимия, в том числе контекстуальная. Проявление дополнительных стилистических оттенков смысла слов(коннотаций)	Способствует осуществлению ритмизации и повторяемости, интерпретируемости.
		Метафоризация, эпитеты, оксюморон.	
3	Синтаксический	Риторические восклицания	Влияет на смысловосприятие. Выделение важных для понимания моментов.
		Использование рядов однородных членов	Способствует ритмизации. Расширяет понятия. Служит опорой для проведения смысловых параллелей.
		Парцелляция, неполнота синтаксических конструкций.	Способствует ритмизации. Влияние на смысловосприятие. Замедление или ускорение восприятия текста Побуждает читателя к повторному прочтению.
		Повелительные конструкции, обращения	Воздействие на читателя с помощью обращения

Принципами речевого воздействия являются: ритмизация, выраженная в повторяемости, прецедентность, смешение стилей, обуславливающее смену каналов восприятия, апеллятивность, диалогичность. Эти приемы проходят через всю уровневую систему анализа, проявляя себя в тех или иных приемах речевого воздействия.

Безусловно, ритмизация, трактуемая в современной теории коммуникации как один из речевоздействующих приемов [см.: Кнорозов 1973], придает тексту проповеди некую привлекательность, вызывающую готовность читателя воспринимать это сообщение. В качестве средств обозначения ритмизации могут выступать языковые единицы всех уровней в их взаимосвязи, поэтому наряду с явлениями синтаксического параллелизма, анафорического повтора, градации и т.п. при анализе ритмической организации произведений нами учитываются проявления данного приема на всех языковых уровнях. Так, ритмизация может возникать за счет аллитерации и ассонанса, лексических повторов, синонимии и антонимии, в использовании рядов однородных членов. Лексические повторы зачастую усилены в стихотворениях синтаксическим параллелизмом. Итак, для поэзии характерен особый ритмический строй, в создании которого принимают участие разноуровневые языковые средства – фонетические, лексическо-семантические, синтаксические. Средствами ритмизации может подчеркиваться смысловая целостность высказываний и их частей, выделяться смысловой центр высказывания, акцентироваться внимание читателя на важных для понимания моментах.

Появление терминов прецедентность и прецедентный текст обычно связывают с именем Ю.Н. Караулова, который определил прецедентные тексты следующим образом: «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной

языковой личности». С тех пор понятие прецедентных феноменов (прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентный текст) активно используется лингвистами, причем нередко в значении, тождественном значению термина интертекстуальность. Тексты влияния – сильные тексты, вступающие в резонанс с читателем и рождающие новые тексты на их основе.

В основе восприятия текста лежит диалог писателя с читателем, при этом читатель является активным участником при толковании текста. Качество интерпретации текста зависит от уровня культуры, содержания тезауруса читателя, его личности и окружающей его действительности. Это означает, что понимание смысла происходит благодаря жизненному, культурному и историческому опыту читателя.

Апеллятивность – семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию понятийной категории повелительности, статус которой определяется представлением в сознании читателя как требуемого, к которому его побуждает текст. В каждом из определений апеллятивной функции указывается на реализацию с ее помощью воздействия писателя на читателя с целью побуждения его к совершению действия. Апеллятивная функция имеет одно назначение – установление контакта с читателем с одновременной реализацией волеизъявления автора в целях побуждения читателя к совершению действия. В языке апеллятивная функция реализуется разноуровневыми языковыми средствами с семантикой побуждения к действию.

Диалогичность – свойство текста, основанное на том, что за каждым текстом стоят языковые личности автора и читателя. Будучи включенным в продолжающийся диалог, текст обречен на множественность толкований. Вступая в диалог с текстом, читатель приобщается к информативно-смысловому уровню текста, формируя ответную реакцию. Диалогические отношения, которые пронизывают текст, имеют своеобразный характер. Они не сводимы ни к логическим, ни к лингвистическим, ни к психологическим,

ни к механическим или к каким-либо иным отношениям. Это особый тип смысловых отношений, которые возникают между целыми высказываниями, за которыми стоят речевые субъекты, авторы данных высказываний. Но этот момент раскрывается только в цепи текстов (в речевом общении данной области) и связан не с элементами системы языка, а с неповторимыми другими текстами. Именно в этом смысле текст можно считать открытым – связанным с другими текстами диалогическими отношениями. Диалогическая открытость текста получила название «интертекстуальность» (термин Ю. Кристевой) и анализируется в филологической литературе как текстовая категория, которая реализуется в тексте языковыми средствами.

Исходя из этого, далее будет представлен анализ конкретных средств и приемов речевого воздействия, основанный на выделенных в теоретической главе уровнях воздействия.

Выводы по 1 главе

В первой главе исследования представлен подробный анализ теоретических источников, посвященных проблеме речевого воздействия. Изучение исторической ретроспективы подтвердило эволюционный характер данного феномена. Как показал обзор ключевых современных теоретических работ, речевое воздействие родственно понятиям речевого общения и манипуляции, однако не тождественно им. Понятие речевого воздействия может быть определено как взаимосвязь культурного, социального, лингвистического и психологического компонентов, суть которого состоит в преодолении защитного барьера читателя(адресата) в процессе речевого взаимодействия в устной или письменной форме, осуществляемого с помощью специально отобранных лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических средств.

В данной главе также были описаны средства и приемы речевого воздействия, составлена уровневая система средств и приемов речевого воздействия.

Глава 2. Средства и приемы речевого воздействия в текстах Тэффи

2.1. Художественные и языковые особенности произведений

Надежды Тэффи в биографическом аспекте

Тэффи Надежда Александровна (наст. фамилия – Лохвицкая, по мужу – Бучинская) (1872–1952), русская писательница. Родилась 9 (21) мая, по другим сведениям – 27 апреля (9 мая) 1872 в С.-Петербурге (по другим сведениям – в Волынской губ.). Дочь профессора криминалистики, издателя журнала «Судебный вестник» А.В.Лохвицкого, сестра поэтессы Мирры (Марии) Лохвицкой («русская Сафо»). Псевдонимом Тэффи подписаны первые юмористические рассказы и пьеса Женский вопрос (1907). Стихотворения, которыми в 1901 дебютировала Лохвицкая, печатались под ее девичьей фамилией.

Происхождение псевдонима Тэффи остается непроясненным. Как указано ею самой, он восходит к домашнему прозвищу слуги Лохвицких Степана (Стеффи), но также и к стихам Р.Киплинга «Taffy was a walesman / Taffy was a thief». Рассказы и сценки, появлявшиеся за этой подписью, были настолько популярны в дореволюционной России, что даже существовали духи и конфеты «Тэффи».

Как постоянный автор журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон» (Тэффи печаталась в них с первого номера, вышедшего в апреле 1908, до запрещения этого издания в августе 1918) и как автор двухтомного собрания Юмористических рассказов (1910), за которым последовало еще несколько сборников (Карусель, Дым без огня, оба 1914, Неживой зверь, 1916), Тэффи снискала репутацию писателя остроумного, наблюдательного и беззлобного. Считалось, что ее отличает тонкое понимание человеческих слабостей, мягкосердечие и сострадание к своим незадачливым персонажам. Излюбленный жанр Тэффи – миниатюра, построенная на описании незначительного комического происшествия. Своему двухтомнику она предпослала эпиграф из Этики Б.Спинозы, который точно определяет

тональность многих ее произведений: «Ибо смех есть радость, а посему сам по себе – благо». Краткий период революционных настроений, которые в 1905 побудили начинающую Тэффи сотрудничать в большевистской газете «Новая жизнь», не оставил заметного следа в ее творчестве. Не принесли весомых творческих результатов и попытки писать социальные фельетоны со злободневной проблематикой, которых ожидала от Тэффи редакция газеты «Русское слово», где она публиковалась начиная с 1910. Возглавлявший газету «король фельетонов» В.Дорошевич, считаясь со своеобразием дарования Тэффи, заметил, что «нельзя на арабском коне воду возить». В конце 1918 вместе с популярным писателем-сатириком А.Аверченко Тэффи уехала в Киев, где предполагались их публичные выступления, и после продолжавшихся полтора года скитаний по югу России (Одесса, Новороссийск, Екатеринодар) добралась через Константинополь до Парижа. В книге Воспоминания (1931), которая представляет собой не мемуары, а скорее автобиографическую повесть, Тэффи воссоздает маршрут своих странствий и пишет, что ее не оставляла надежда на скорое возвращение в Москву, хотя свое отношение к Октябрьской революции она определила с самого начала событий: «Конечно, не смерти я боялась. Я боялась разъяренных харь с направленным прямо мне в лицо фонарем, тупой идиотской злобы. Холода, голода, тьмы, стука прикладов о паркет, криков, плача, выстрелов и чужой смерти. Я так устала от всего этого. Я больше этого не хотела. Я больше не могла». В первом номере газеты «Последние новости» (27 апреля 1920) был напечатан рассказ Тэффи Ке – фер, и фраза его героя, старого генерала, который, растерянно озираясь на парижской площади, бормочет: «Все это хорошо... но que faire? Фер-то – ке?», стала своего рода паролем для очутившихся в изгнании. Публикуясь почти во всех видных периодических изданиях Рассеяния (газеты «Общее дело», «Возрождение», «Руль», «Сегодня», журналы «Звено», «Современные записки», «Жар-птица»), Тэффи выпустила ряд книг рассказов (Рысь, 1923, Книга Июнь, 1931, О нежности.

1938), показавших новые грани ее таланта, как и пьесы этого периода (Момент судьбы, 1937, написанная для Русского театра в Париже, Ничего подобного, 1939, поставлена Н.Евреиновым), и единственный опыт романа – Авантюрный роман (1931).

В прозе и драматургии Тэффи после эмиграции заметно усиливаются грустные, даже трагические мотивы. «Боялись смерти большевистской – и умерли смертью здесь, – сказано в одной из ее первых парижских миниатюр Ностальгия (1920). –... Думаем только о том, что теперь там. Интересуемся только тем, что приходит оттуда». Тональность рассказа Тэффи все чаще соединяет в себе жесткие и примиренные ноты. В представлении писательницы, тяжелое время, которое переживает ее поколение, все-таки не изменило вечного закона, говорящего, что «сама жизнь... столько же смеется, сколько плачет»: порою невозможно отличить мимолетные радости от печалей, сделавшихся привычными.

В мире, где скомпрометированы или утрачены многие идеалы, которые казались безусловными, пока не грянула историческая катастрофа, истинными ценностями для Тэффи остаются детская неискренность и естественная приверженность нравственной правде – эта тема преобладает во многих рассказах, составивших Книгу Июнь и сборник О нежности, – а также самоотверженная любовь. Все о любви (1946) озаглавлен один из последних сборников Тэффи, в котором не только переданы самые прихотливые оттенки этого чувства, но много говорится о любви христианской, об этике православия, выдержавшей те тяжелые испытания, что были ей уготованы русской историей 20 в. Под конец своего творческого пути – сборник Земная радуга (1952) она уже не успела сама подготовить к печати – Тэффи совсем отказалась от сарказма и от сатирических интонаций, достаточно частых как в ее ранней прозе, так и в произведениях 1920-х годов. Просветленность и смирение перед судьбой, которая не обделила персонажей Тэффи даром любви, сопереживания и эмоциональной отзывчивости, определяют основную ноту ее последних рассказов.

Вторую мировую войну и оккупацию Тэффи пережила, не покинув Париж. Время от времени она соглашалась выступить с чтением своих произведений перед эмигрантской публикой, которой становилось все меньше с каждым годом. В послевоенные годы Тэффи была занята мемуарными очерками о своих современниках – от Куприна и Бальмонта до Г.Распутина. Умерла Тэффи в Париже 6 октября 1952.

2.2. Анализ речевоздействующих средств и приемов в стихотворении «Когда я была ребенком...»

«Когда я была ребенком..»

Когда я была ребенком,
Так девочкой лет шести,
Я во сне подружилась с тигренком -
Он помог мне косичку плести.

И так заботился мило
Пушистый, тепленький зверь,
Что всю жизнь я его не забыла,
Вот - помню даже теперь.

А потом, усталой и хмурой -
Было лет мне под пятьдесят -
Любоваться тигриной шкурой
Я пошла в Зоологический сад.

И там огромный зверище,
Раскрыв зловонную пасть,
Такдохнул перегнившей пищей,
Что в обморок можно упасть.

Но я, в глаза ему глядя,
Сказала: «Мы те же теперь,
Я - все та же девочка Надя,
А вы - мне приснившийся зверь.

Все, что было и будет с нами,
Сновиденья, и жизнь, и смерть,
Слиты все золотыми звездами
В Божью вечность, в недвижную твердь».

И ответил мне зверь не словами,
А ушами, глазами, хвостом:
«Это все мы узнаем сами
Вместе с вами. Скоро. Потом.»

Анализ данного стихотворения начинается с фонетического языкового уровня. Наблюдается использование звукописи: в начале стихотворения при описании детства частое употребляется звуки [‘О] и [‘Э] – тирЕнок, плЕсти, дЕвочкой, шЕсти. Ее разложение на звуки придает строчкам мягкость, слова звучат нежнее, становятся «мягкими». Главная характеристика, передающая как характеристику тигренка, так и показывающая отношения между ним и героиней - эпитет «тепленький», имеет целых две смягчающих гласных Е и Ё. Это логический звуковой центр первой части стихотворения. Во второй части стихотворения ассонанс посредством звука [О] словно замедляет стихотворение, передает изменение в настроении героини. Звук [О], вероятно, служит для описания повзрослевшего тигра, слово «ОгрОмную» является центральной характеристикой изменившегося вслед за героиней животного. Посредством звуков [А], [О] в стихотворении подчеркивается протяженность последней строки, они наделяют ее еще большим смыслом,

строка звучит тяжеловесно, будто подводит жизненный вывод, итог. Гласные замедляют темп, вероятно, дают установку на раздумье. Аллитерация посредством звуков [Ш], [Р], [З] в описании взрослого тигра и его зловонной пасти также добавляет образности. Данные речевоздействующие средства влияют на наше сознание. При прочтении стихотворения именно посредством воздействия на уровне фонетики наше воображение рисует изменяющиеся картины: детство, зрелость и конец, жизненный итог. Стихотворение будто ускоряет и замедляет жизненный ритм, дает возможность задуматься над яркими образами стихотворения. Центральный образ – тигренок, а затем взрослый реальный тигр. Образ тигра максимально наделяется звукописью: фонетический строй отражает основные принципы построения текста: нелинейность(метрические особенности и рифма создают связи углубляющие смысл произведения), оппозицию(воображаемого тигренка и взрослого тигра), центральные образы связаны звукописью.

Анализируемый текст реализует принципы речевого воздействия не только на уровне аллитерации и ассонанса. На данном уровне можно выделить такой прием как синестезия - специфичность синестезии представляется как способность задействовать «...сразу несколько областей чувств – скажем, зрение и слух или вкус, обоняние или осязание, плюс прочие самые разнообразные комбинации» (Клюев, 1999: 189). Начало стихотворения наполнено мягкими словами (воспоминаниями из детства). При чтении возникает чувство теплоты и заботы, ассоциации с солнцем нежного желтого цвета. Данные средства непосредственно служат звуковой основой речевого воздействия, добавляют эмоциональности, образности, при чтении появляются различные чувства и ассоциации: от светлых детских до рефлексивных взрослых, выделяются ключевые для понимания моменты.

Основным приемом на лексико-семантическом уровне в стихотворении является сравнение прошлого и настоящего посредством детского воспоминания о воображаемом, приснившемся тигренке. Тигренок со временем забывшийся и выросший в сильного и агрессивного зверя является

символом изменившейся жизни и ее восприятия лирической героиней. Остроты данному противопоставлению добавляют различные художественно-выразительные средства, такие как эпитеты (пушистый и тепленький зверь/огромный зверище, зловонная пасть). Противопоставление прослеживается и в общении героини с выдуманным и настоящим тиграми (Он помог мне косичку плести, И так заботился мило, Что всю жизнь я его не забыла/ Такдохнул перегнившей пищей, Что в обморок можно упасть) Устанавливается связь между детским, милым, светлым прошлым и взрослой, скучной, тяжелой - реальностью. Сама идея представляет собой противопоставление и сравнение двух взглядов на жизнь, обусловленных разными возрастными периодами. Эти взгляды сливаются в примирение и надежду, устремленную в будущее. Такое единство противопоставлений невозможно игнорировать. Для понимания взаимных отношений между героиней и зверем автор проводит противопоставление и на морфемном уровне: в слове тигренок благодаря суффиксу предстает как существо, характеризующееся маленьким размером, несущее добро и ласку. Ему противопоставлен тигрище – огромное существо с явным оттенком агрессии, который передает суффикс ИЩ.

Помимо противопоставления времен в данном стихотворении мы можем обнаружить еще один важный прием. Ярким приемом речевого воздействия является переход развернутого олицетворения в парадокс. Главная героиня проводит явную параллель себя с маленьким детенышем, а затем с уже взрослым, изменившимся животным. Понимание этого достигается с помощью сравнения состояния героини и животного как в детстве: Девочка лет шести – тигренок, подружилась – помог плести косичку, так и в настоящем времени: усталая и хмурая – огромный зверище, любоваться тигриной шкурой – такдохнул перегнившей пищей. Можно предположить, что тигр – это символ души героини, светлой и радостной когда-то в прошлом, и хмурой, недоверяющей никому в настоящем. Эти два времени активно раскрыты в стихотворении. Однако самым важным является

будущее. Применение недосказанности, как основного воздействующего принципа в конце стихотворения придает стихотворению целостность и подводит ожидаемый всеми итог. Именно недосказанность заставляет нас задумываться о смысле. Недосказанность смысла текста диктует многоплановость, семантическую избыточность, разные подходы к пониманию содержания высказывания. Происходит обращение к языку подсознания; включается ассоциативно-образная система восприятия. В данном случае ведущим оказывается не эксплицитно выраженный в высказывании смысл, а имплицитно заложенная информация(подтекст, символы – неявное, скрытое содержание).

Завершает стихотворение строка, в которой после каждого слова идет точка, такой прием добавляет уверенности и неподвижности сказанного, создается чувство успокоения.

В конце героиня олицетворяет себя не с живым тигренком, а с мертвой шкурой. Появляется желание прочитать еще раз и еще раз, сравнить, обдумать. Речевое воздействие проявляет себя и на стилевом уровне: резко меняется лексика. В начале стихотворения преобладают слова нейтральной и положительной окраски, рисуется картина спокойствия, гармонии, однако к середине стихотворения появляется негативная лексика, передающая разочарование от жизни, воздействующая на нас удручающе. К концу стихотворения основой являются слова возвышенной лексики. Детская дружба, а затем взрослое разочарование переходит на обобщенный уровень. Такие переходы вместе с изменяющимся синтаксическим строем – от простых предложений и повествования до парцелляции - расширяют наше сознание, ведя от простого детского воспоминания, фантазии, можно сказать от «воображаемого друга», от темы близкой и понятной каждому, к глобальным проблемам.

Это расширение приводит к желанию перечитывать стихотворение снова и снова, пытаться найти ответы. Именно речевое воздействие способствует возникновению желания еще раз обратиться к стихотворению,

образы буквально «впечатываются» в память.

Таким образом, все вышеописанные средства помогают нам понять героиню, добавляют стихотворению эмоциональности, провоцирующий на отклик читателя, противопоставление прошлого и настоящего обостряет проблемы и терзания в душе героини, а параллель с зверем раскрывает состояние души в прошлом, настоящем и дает надежду на умиротворение в будущем. Связь средств и приемов с базовыми принципами речевого воздействия осуществляется прямо или косвенно. В некоторых случаях это прямая связь, к примеру изменение возраста тигра, как символ разных этапов жизни. В другом примере на уровне образных средств использование тропов связано опосредованно. Большое количество эпитетов, сравнений, параллелей делает произведение образным, богатым, что также привлекает внимание и в конечном счете сказывается на восприятии и интерпретируемости.

2.3. Анализ речевоздействующих средств и приемов в стихотворении «Есть у сирени темное счастье...»

Есть у сирени темное счастье -
Темное счастье в пять лепестков!
В грезах безумья, в снах сладострастья,
Нам открывает тайну богов.

Много, о много, нежных и скучных
В мире печальном вянет цветов,
Двухлепестковых, чётносозвучных...
Счастье сирени - в пять лепестков!

Кто понимает ложь единений,
Горечь слияний, тщетность оков,
Тот разгадает счастье сирени -
Темное счастье в пять лепестков!

Речевоздействующей основой данного стихотворения является прецедентная бытовая ситуация - поиск заветных пяти лепестков сирени, которые исполняют любое желание. Представим анализ данного стихотворения на фонетическом уровне. Прочитав стихотворение можно отметить большое количество взрывных звуков(П,Т,Д), что говорит о явной чувственности и страстности произведения, желания воздействовать на читателя через его чувства. На цветовом уровне фоносемантики по (А.П. Журавлеву) посредством буквы У преобладает сиренево-фиолетовая гамма. Можно сказать, что тема стихотворения воздействует не только на прямое понимание текста, но и на цветовое воображение читателя.

На лексико-семантическом уровне можно выделить главное слово-символ – сирень. Повторение слова «сирень» с каждым разом усиливает воздействие на сознание читателя. Создается прием тайны. Автор прямо предлагает нам разгадать ее: «Тот разгадает тайну сирени..» и сам не дает прямой ответ, чем вызывает эффект недосказанности. Основной характеристикой сирени служит повторяющееся словосочетание «Тайное счастье» , образное средство - оксюморон. Это противоречивое высказывание, нацеленное на активизацию внимания и направленное на дальнейшую возможность расшифровать его в сознании читателя. С каждым повтором тайна сирени возможно должна все больше заинтересовывать, увеличивать желание понять и разгадать ее. В произведении сирень противопоставляется другим более «скучным» цветам. Тэффи употребляет авторские окказионализмы – эпитеты «Двухлепестковые» и «чётносозвучные». Сами по себе эти слова имели бы нейтральную окрашенность, однако в стихотворении они словно противопоставляются таинственной, темной загадке «четырёх лепестков» и тем самым становятся для нас вероятно слишком понятными и скучными. Им противопоставляются другие два состояния – «грезы безумья» и «сны сладострастья». Можно предположить, что явное увлечение словами, соединяющими в себе два корня, говорит о желании автора более полно

воздействовать на наше воображение. С помощью синтаксиса, а в частности восклицаний автор также выделяет важные для понимания элементы. Использование многоточия будто замедляет темп стихотворения, дает возможность задуматься над образами. Простые предложения увеличивают образность, ускоряют понимание. Ряды однородных членов ведут к такому важнейшему средству речевого воздействия как ритмизация.

Таким образом проанализировав все уровни речевого воздействия можно сказать, что все вышеописанные средства перетекают в такие принципы как: прецедентность, ритмизация, использование ключевых слов-символов. Эти приемы служат основой воздейственности данного стихотворения, добавляют стихотворению эмоциональности, заинтересовывают читателя.

2.4. Анализ речевоздействующих средств и приемов в стихотворении «Гаснет моя лампада...»

Гаснет моя лампада...

Полночь глядит в окно...

Мне никого не надо,

Я умерла давно!

Я умерла весной,

В тихий вечерний час...

Не говори со мною,-

Я не открою глаз!

Не оживу я снова -

Мысли о счастье брось!

Черное, злое слово

В сердце мое впилося...

Гаснет моя лампада...

Тени кругом слились...

Тише!.. Мне слез не надо.

Ты за меня молись!

На фонетическом уровне прослеживается явный ассонанс. Посредством звуков [О] и [А] с самых первых строк произведение погружает нас в некое раздумье, замедляется темп прочтения. Каждая строчка первого четверостишья заканчивается звуком «О». Несмотря на короткие строки такое окончание будто увеличивает время прочтения, добавляет полноту смысла.

Одним из принципов речевого воздействия является ритмизация. В данном стихотворении она проявляется посредством не только рифмы, но и большого количества одинаковых по длине, коротких, малораспространенных предложений, созданных по сходной схеме. Ритм и повторяемость резонируют в человеческое подзознание. В речевом плане повторы связаны с реализацией функции ритмизации, формирующей стойкое желание еще и еще раз обратиться к информации. Ритмизация влияет на смысловосприятие, при этом, большое количество лексических повторов приводит, вероятно, к еще большему желанию перечитать стихотворение. Основным приемом на лексико-семантическом уровне является использование лампы как символа жизненных сил. Автор стихотворения не случайно выбирает слово «лампада», как небольшой сосуд, который зажигают как перед иконами, так и после смерти человека. Данный символ ведет к наложению смыслов, и тем самым воздействуя на сознание, побуждает к разгадыванию этого наложения, к неосознанному проведению параллелей между жизненными силами души героини и лампадой.

Обращаясь к уровню образных средств, можно выделить такой прием как использование парадокса: уже в первых строчках героиня пишет о своей давнишней смерти: «Мне никого не надо, я умерла давно». Этот парадокс подкрепляется обилием метафор и олицетворений таких как: «полночь

глядит в окно», «Черное злое слово в сердце мое впилося», «Тени кругом слились». Создается эффект загадочности, на основе парадокса автор стихотворения строит целый «дом» из переносных значений еще больше запутывая нас при чтении и вызывая тем самым желание перечитать текст снова, попытаться разгадать ускользающий смысл. Этой цели служит и развернутый оксюморон: «Я умерла весною, в тихий вечерний час» - это фраза, основанная на столкновении противоположностей еще больше воздействует на наше сознание, будто подталкивает нас к желанию порассуждать, от чего же такого серьезного лишилась жизненных сил героиня, в то время как вся природа наоборот возрождается после долгого сна.

На синтаксическом уровне большое количество восклицаний помогает выделить важные для понимания моменты, подчеркивает глубину чувств и переживаний перенося интонации в наше сознание и тем самым воздействуя на наше восприятие. Повелительные конструкции добавляют резкости, ускоряют темп прочтения стихотворения, именно через них мы понимаем, что ситуация необратима, добавляется чувство ускользающего времени, скоротечности жизни.

Таким образом, уровневый анализ данного стихотворения с точки зрения речевоздействующего потенциала помог выявить следующие принципы и приемы: ритмизацию, ассонанс и аллитерацию, использование ключевых слов-символов, лексические повторы, метафоризацию, оксюморон, парадокс, риторические вопросы и восклицания. Цель их использования – воздействие на читателя, выход на личностные интересы, привлечение внимания к произведению. Все вышеописанные принципы и приемы являются основой речевоздействующего потенциала данного стихотворения.

Выводы по 2 главе

В данной главе нами представлена биография Тэффи и анализ фонетического, морфемного, лексического, морфологического и синтаксического уровня речевоздействующих средств и приемов. Как показал анализ поэтических текстов, данные приемы и средства выступают выражением экспрессивности и отвечают за влияние на эмоциональное восприятие читателем. Можно сделать вывод, что на каждый из языковых уровней обладает высоким речевоздействующим потенциалом. Основными средствами и приемами на фонетическом уровне являются ассонанс и аллитерация, синестезия, прослеживается такой прием речевого воздействия как ритмизация. На лексико-семантическом уровне чаще всего автором используются ключевые слова-символы, синонимия, лексические повторы, так же как и на фонетическом уровне себя проявляет ритмизация. С их помощью к информации может быть добавлен оттенок авторского отношения – сомнения, уверенности, положительной или негативной оценки в связи с чем функция сообщения дополняется функцией воздействия. Связывая и выстраивая текст, они направляют и регулируют когнитивный процесс личности, воспринимающей текст, и в значительной мере определяют его интерпретацию.

На уровне образных средств чаще всего автор используем такие приемы как метафоризация, оксюморон, парадокс, прецедентные явления. На синтаксическом уровне можно проследить такие приемы как вопросно-ответный комплекс, использование рядов однородных членов, парцелляцию, синтаксический параллелизм, незавершенность высказываний, повелительные конструкции.

Как результат анализа нами была составлена таблица Анализа речевоздействующих средств и приемов.

Таблица анализа речевоздействующих средств и приемов

	Языковой уровень	Средства и приемы	Функция речевого воздействия	Пример
1	Фонетический	Аллитерация, ассонанс	Осуществляет ритмизацию. Замедляет и ускоряет восприятие текста. Добавляет эмоциональности в произведение.	«Когда я была рЕбЕнком, Так дЕвочкой лЕт шЕсти.... И там огромный ЗвериЩе, Раскрыв Зловонную пасть...»
		Повтор, опора на связь звука и смысла.	Влияет на смысловосприятие. Стимулирует желание к повторному обращению к тексту.	
2	Лексико-семантический	Использование слов-символов, ключевых слов	Способствует приращению смысла, расширению лексической значимости слова	Тигр- тигренок – символ жизненной энергии. Сирень – символ счастья. Лампада – символ угасающей

				жизни.
		Синонимия, антонимия, в том числе контекстуальная. Проявление дополнительных стилистических оттенков смысла слов(коннотаций)	Способствует осуществлению ритмизации и повторяемости, интерпретируемости.	«В грезах безумья, в снах сладогратства Нам открывает тайну богов.» «В Божью вечность, в недвижную твердь»
		Метафоризация, эпитеты, оксюморон.		«Темное счастье», «В мире печальном вянет цветов, Двухлепестков ых, чётносозвучны х...» «Мне никого не надо, Я умерла давно!»
3	Синтаксическ ий	Риторические восклицания	Влияет на смысловосприятие. Выделение важных для понимания	«Мне никого не надо, Я умерла давно!»

			моментов.	«Темное счастье в пять лепестков!» «Счастье сирени - в пять лепестков!»
		Использование рядов однородных членов	Способствует ритмизации. Расширяет понятия. Служит опорой для проведения смысловых параллелей.	«..Кто понимает ложь единений, Горечь слияний, тщетность оков...»
		Парцелляция, неполнота синтаксических конструкций.	Способствует ритмизации. Влияние на смысловосприятие. Замедление или ускорение восприятия текста Побуждает читателя к повторному прочтению.	«Это все мы узнаем сами Вместе с вами. Скоро. Потом.» «Тот разгадает <i>тайну</i> сирени..»
		Повелительные конструкции, обращения	Воздействие на читателя с помощью обращения	«Мысли о счастье брось!.... Ты за меня молись!»

Заключение

В работе проведен уровневый анализ средств и приемов речевого воздействия в поэзии Тэффи. Изучение теоретической литературы позволило нам выделить ряд лингвистических направлений, относящихся к вопросу речевого воздействия. Психолингвистика концентрирует внимание на связи языкового и психологического компонента речевого воздействия, прагматика и прагмалингвистика анализируют данный феномен в соотношении с интенциями субъекта речи; герменевтика, функциональная стилистика и неориторика обращаются к выявлению особенностей текста в качестве связующего звена между участниками коммуникации; лингвокультурология и социолингвистика раскрывают взаимосвязь между картиной мира и языковой оболочкой направленной на воздействие.

Обзор литературы по теме позволил описать содержание речевого воздействия как научного термина и определить его как взаимосвязь культурного, социального, лингвистического и психологического компонентов, суть которого состоит в передаче смысловых и эмоционально-экспрессивных структур между партнерами по коммуникации в процессе речевого взаимодействия.

Основные функции речевого воздействия базируются на принципах, определяющих направленность речевоздействующего процесса:

1. Личностность, обращение к индивидуальным потребностям и интересам читателя.
2. Диалогичность, гибкость и пластичность коммуникации.
3. Прагматичность коммуникации (возможность интенсификации передачи информации), преодоление коммуникативных барьеров.
4. Эмоциональность и эмпатичность коммуникации (воздействие на эмоциональную сферу читателя и взаимодействие с ним).
5. Изменение стереотипов и установок восприятия, осознания, интерпретации информации читателем.

Речевоздействующие средства и приемы репрезентуются в языковых единицах, высказываниях, текстах. Они основаны на использовании «скрытых резервов» - воздействующего потенциала языковых средств разного системного уровня. Цель их использования – воздействие на читателя в ходе информирования, осуществление эффективной диалогической коммуникации, адекватного восприятия и интерпретации передаваемой информации. Анализ практического материала подтвердил предположение о том, что рассматриваемые тексты обладают речевоздействующим потенциалом. В работе был реализован уровневый подход к выявлению и анализу средств речевого воздействия. Рассмотрению подверглись следующие средства и приемы: на фонетическом уровне – аллитерация, ассонанс, синестезия, ритмизация; на лексическом уровне – использование ключевых слов-символов, синонимия, антонимия, лексические повторы, ритмизация; на уровне образных средств – метафоризация, оксюморон, парадокс, недосказанность, прецедентные явления; на синтаксическом уровне – риторические вопросы и восклицания, использование рядов однородных членов предложения, парцелляция, незавершенность высказываний, повелительные конструкции.

Проведенное исследование позволило доказать, что совокупность частных функций средств и приемов разных языковых уровней служит для создания максимального воздействия на читателя. Речевоздействующий потенциал текста, реализация которого нацелена на эмоциональный компонент восприятия, выступил центром практической части нашего исследования. Представляется, что последующее рассмотрение механизмов речевого воздействия в литературе может служить расширению знания о речевоздействующем потенциале. Перспективными также представляются сопоставительные исследования речевого воздействия: как сравнение поэзии и прозы одного автора, так и сравнение двух писателей.

Список использованной литературы

1. Надежда Тэффи Сборники стихов.
2. . Введенская Л.А. Культура речи. - Ростов н/Д: Изд-во Феникс, 2000
3. . Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. - М: Наука, 1982.
4. . Запорожец В.А. Избранные психологические труды. - М., 1986,
5. . Зарецкая Е.Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации. - М.: Изд-во Дело, 2001 - 358 с.
6. Киселева Л.А. «Вопросы теории речевого воздействия». - Л., 1978
7. Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. - М., 1971.
8. Аристотель. «Риторика» Режим доступа: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/ritoriki.txt> Библиотека Максима Мошкова при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.
9. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Арутюнова Н. Д. 3-е изд., стер. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 383 с.
10. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста: учебник, практикум. 6-е. изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 496 с.
11. Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры / Баранов А. Н. // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – С.184-192.
12. Баранов А. Н. Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание). – М.: Знание, 1990. – 63 с.
13. Баранов А.Н., Паршин П.Б. «Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на

- сознание». - В кн.: Роль языка в средствах массовой коммуникации. - М., 1986
14. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – 394 с.
 15. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. – М: Высшая школа. 1967. – 367 с.
 16. Валгина Н. С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУП «Мир книги», 1998. – 210 с.
 17. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 55.
 18. Виноградов В. В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. – М.: АПН СССР, 1963. – 253 с.
 19. Выготский. Л. С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. – М.: Издательство "Лабиринт", 1999. – 352 с.
 20. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.:1981. – 139 с.
 21. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Шведовой Н. Ю. – М.: 1970.
 22. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
 23. Гурьева З. И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: к созданию интегративной теории: на материале текстов на русском и английском языках: дис ... д-ра филол. наук – Краснодар, 2003. – 446 с.
 24. Дейк Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
 25. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации / Дридзе Т. М. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
 26. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис ... доктора филологических наук. – М., 2004. – 358 с.

27. Жинкин Н. И. Избранные труды. Язык. Речь. Творчество. – М.: Лабиринт, 1998. – 364 с.
28. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 160 с.
29. Журавлев А.П. Звук и смысл. М., 1988
30. Иссерс О. С. Речевое воздействие: Учебное пособие. – М.: Флинта, 2009. – 224 с.
31. Карасик В.И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2012. Вып. 1(39). С. 43–50.
32. Кнорозов Ю.В. Об изучении фасциации / Вопросы языкознания; Собеседование по общей теории сигнализации с Ю.В. Кнорозовым // Структурно-типологические исследования: сб. статей; отв. ред. Т.Н. Молошная. М.: Изд-во АН СССР, 1962. № 1. С. 163.
33. Котов А. А. Лингвистические модели эмоциональной речи. Режим доступа: <http://harpia.ru>.
34. Красных В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / Красных В. В., Гудков Д . Б., Захаренко И. В., Багаева Д. Б. // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. – 1997. № 3. – С. 62-75.
35. Красных В.В. Текст как единица дискурса. / В.В. Красных // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова: тезисы докладов. — М.: ИТДГК «Гнозис», 1995. - С. 273-275.
36. Леонтьев А. А. К психологии речевого воздействия // Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1972. – С. 31-72.
37. Леонтьев А. А. Понятие текста в современной лингвистике и психологии // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев: Вища Школа, 1979.
38. Лурия А. Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1998. – 336 с.

39. Мельник Г.И. «Схемы и способы речевого воздействия» - Санкт-Петербург: Изд-во Феникс, 2004 г
40. Омельченко Е.В. Фасцинативная коммуникативная стратегия в различных типах дискурса: монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2013. 223 с.
41. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
42. Паршин П. Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности / Паршин П. Б. // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. – М.: Изд. дом Гребенникова, 2000. – С.55-73.
43. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-ое – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1956. – С. 30 - 61, С. 85-89.
44. Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. – М.: Наука, 1979. – 235 с.
45. Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
46. Слышкин Г.Г. Лингвокультурологические концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000. 138 с.
47. Соковнин В.М. Фасцинация. Коммуникация. Общение. Сборник научно-популярных текстов.
48. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с фр. под ред. Холодовича Ф. Ф. – М.: Прогресс, 1971. – С. 31-269.
49. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2001. – 252 с.
50. Тарасов Е. Ф. Психологические и психолингвистические аспекты речевого воздействия // Речевое воздействие: психологические и

психолингвистические проблемы / Ин-т языкознания АН СССР. – М.: 1986. – С. 4-9.

51. Шахнарович А. М. Общая психолингвистика: учеб. пособие. Ун-т Рос. акад. образования, Фак. иностр. яз. – М.: Изд-во РОУ, 1995. – 93 с.

52. Якобсон Р. О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.